

Он — Сын Плана, дитя судьбы, главный герой между небом и землей, центр мироздания.

Это мир Легенды о Чу Люсяне!

...

□Пространство Разрушения, номер 29730, вход в мир среднего уровня боевых искусств Легенда о Лу Сяофэне□

□Пространство Разрушения, номер 29730, вход в мир среднего уровня боевых искусств Легенда о Чу Люсяне□

□Внимание! Пространственный резонанс. Мир среднего уровня боевых искусств Легенда о Лу Сяофэне и мир среднего уровня боевых искусств Легенда о Чу Люсяне согласно законам кристаллической оболочки автоматически сливаются, формируя комплексный мир высокого уровня боевых искусств Легенда о Лу Сяофэне и Чу Люсяне□

□Пространство Разрушения, номер 29730, вход в мир высокого уровня боевых искусств Легенда о Лу Сяофэне и Чу Люсяне□

□Объявление: Великий Повелитель воли пространственных планов, отныне реинкарнатор Пространства Разрушения номер 29730 —□

□Я — Найло чжи Е · Сяо□

□Нисхожу!□

Конец марта. Легкий ветерок, пропитанный нежным ароматом грушевых цветов, проносился сквозь раскачивающиеся ветви и задевал подвешенные у карниза восьмиугольной башни колокольчики из пурпурного нефрита, заставляя их издавать мелодичный перезвон.

Сидя у окна, ощущая нежное, словно прикосновение возлюбленной, дыхание сумерек и слушая хрустальный звон ветра, человек тихо и безмятежно ждал, когда цветы начнут свой нежный танец цветения.

Это была небольшая деревянная башня — всего два этажа, да и вокруг нее лишь крошечный садик. Такие постройки часто встречаются в Цзяннани, но ни одна из них не привлекает столько внимания. Здесь славились цветы, но и хозяин был не менее знаменит.

Пышная ипомея оплела зеленые бамбуковые перила у окна, первоцветы тянулись навстречу ветру, дафны, камелии, белые и пурпурные магнолии, гортензии, кливии, бегонии и вейгелы соперничали друг с другом в красоте. В саду пестрели герани и цинерарии, а в тени, куда не доставали лучи заходящего солнца, прятались ярко-красные маки, чьи высокие стебли покачивались в такт танцующим золотистым цветам и гиацинтам.

Башня была океаном цветов — ярких, пышных и благоухающих. Здесь цветы наполняли собой

всё, поэтому и называлась она Павильоном Ста Цветов.

Каждый раз, когда вечерний ветерок становился мягким, хозяин этого места любил заварить чашку чая из золотистых цветков. Вдыхая тонкий аромат нарциссов, за которыми он так бережно ухаживал, он сидел у окна, наслаждаясь тишиной. Его сердце было переполнено теплой благодарностью: за цветы, за закатное солнце, за легкий шепот ветра, за кипящую воду в чайнике, за чашку в пальцах и за этот краткий миг покоя в суетном мире.

Хуа Маньлоу питал к цветам особую страсть. Он любил их жизненную силу, их нежные, словно нефрит, лепестки и этот едва уловимый аромат, разлитый в воздухе.

Он был изящным мужчиной с мягкими, благородными манерами. На лице его всегда блуждала легкая, кроткая улыбка, и стоило ему посмотреть на тебя, как становилось ясно: эта улыбка — самое прекрасное, что есть в этом мире.

Когда Хуа Маньлоу еще не был тем, кем стал, он презирал эту мягкость, способную вызвать слезы. Он был высокомерным и гордым человеком, имевшим на то все основания. Но смерть — вещь непостижимая. Переродившись и осознав себя седьмым сыном семьи Хуа, он постепенно понял, что улыбка может заменить любые слова, и даже ту пару глаз, что были бесполезны.

Вода закипела. Хуа Маньлоу обожал этот звук. Он достал две чашки, налил чай себе, а вторую, пустую, поставил на бамбуковый столик у окна.

Он ждал гостя. Того, кто принесет ему неприятности, но кого он мог назвать другом. Друзей у Хуа Маньлоу было немного, но все они были исключительными, пусть некоторые из них и были настолько хороши, что делились с ним своими бедами.

На лестнице послышались торопливые шаги. Хуа Маньлоу слегка поднял голову, прислушиваясь к дыханию у двери.

Но вошла не та «четырёхбровая курица» Лу Сяоци, которую он ждал, а незнакомая женщина.

Двери Павильона Ста Цветов всегда были открыты. Хуа Маньлоу, не раздумывая, уступил постель, когда заметил, что женщина несет на спине тяжело раненую девушку.

— Не волнуйтесь, — мягко сказал он, закончив осмотр. — Хотя крови много, раны неглубокие и ровные, жизненно важные органы не задеты. Скоро все заживет.

Женщина, одетая в зеленое платье с широкими рукавами, выглядела сдержанно и благородно. В ее глазах, чистых, как вода, читалась тревога.

— Я Хуа Маньлоу. Если не возражаете, можете остаться здесь, пока ваша подруга не

поправится.

Женщина вздрогнула, услышав этот теплый голос, и поклонилась:

— Благодарю вас, господин Хуа. Меня зовут Фэн Сихэ, а это моя подруга Юй Жуаньси. На нас напали, и мы, спасаясь, невольно потревожили ваш покой.

— Ничего страшного. Отдохните, здесь вы в безопасности.

Хуа Маньлоу достал с полки флакон с целебной мазью из холодного нефрита — последнюю бутылочку, приготовленную им самим. Он передал ее Фэн Сихэ.

Снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь кипением воды. Вскоре покой нарушил новый звук поспешных шагов. На этот раз в комнату вбежала девушка лет семнадцати, чьи глаза были полны ужаса. Увидев троих присутствующих и окровавленную ткань в руках Фэн Сихэ, она замерла.

— Девушка, что случилось? — участливо спросил Хуа Маньлоу.

— Кто-то гонится за мной... Можно мне спрятаться здесь?

— Да! — ответил Хуа Маньлоу, не задумываясь, но тут же замер, словно пораженный внезапной догадкой. Фэн Сихэ тоже обернулась и пристально посмотрела на неожиданную гостью.

Так начиналась эта история. Хуа Маньлоу смотрел на ту, кого не мог видеть, и горько усмехнулся: с тех пор как он попал в этот мир, прошло уже семнадцать лет.

...

Проводив Шангуань Фэйянь взглядом, Хуа Маньлоу улыбнулся еще теплее. Она была прекрасной девушкой, пусть и не сказала всей правды. Он даже позволил ей забрать свой нефритовый кулон, предвкушая, как это доставит хлопот Лу Сяоцзи.

— Господин Хуа... — Фэн Сихэ, долго наблюдавшая за сценой, наконец спросила: — Вы так сильно доверяете людям?

— Разве это плохо? — Хуа Маньлоу улыбнулся, разливая чай. — Двери Павильона Ста Цветов всегда открыты.

Когда он вернулся, Юй Жуаньси уже пришла в себя и с любопытством разглядывала хозяина дома.

— Вы и есть Хуа Маньлоу? — спросила она.

— Именно. Как ваши раны? — он снова потянулся к ее запястью, чтобы проверить пульс.

— Ой, уже намного лучше, ваша мазь творит чудеса! — рассмеялась она.

Четверо собеседников — Хуа Маньлоу, Фэн Сихэ, Юй Жуаньси и подросевший позже Лу Сяоци вместе с Ху Техуа — вели неспешную беседу. Лу Сяоци, как всегда, принес с собой ворох проблем, но в Павильоне Ста Цветов, среди аромата цветов и хорошего вина, даже самые серьезные неприятности казались лишь легким ветерком.

— Говори, Лу Сяоци, в какую историю ты вляпался на этот раз? — спросил Хуа Маньлоу.

Лу Сяоци погладил усы и вздохнул:

— На этот раз не я, а он! — он указал на Ху Техуа.

Ху Техуа, до этого момента не выпускавший из рук кувшин с вином, смущенно кашлянул:

— Это все человек, которого я спас несколько дней назад. Он очень странный. С одной стороны, он кажется взрослым, а с другой — чистым и невинным ребенком. Он ничего не знает о мире, но учится с такой скоростью, что это пугает.

Все замолчали, вглядываясь в лицо Ху Техуа. В Павильоне Ста Цветов стало совсем тихо.

<http://bllate.org/book/21027/2137742>